

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

В. Г. Гужев

СИСТЕМА ИМЕННЫХ ФОРМ ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА КАК МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОАНАТОЛИЙСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Вопрос об именных формах глагола относится к числу наиболее важных вопросов, разрабатываемых в тюркском языкознании. Его важность обуславливается той большой ролью, которую играют именные формы глагола в строе тюркских языков. Во-первых, они составляют мощный и чрезвычайно развитый блок морфологических форм со сложной семантикой. Во-вторых, они-то и являются причиной проявления одной из черт своеобразия тюркского синтаксиса, заключающейся в том, что тюркские языки не испытывают структурной потребности как в сочинительных, так и в подчинительных союзах и в значительной мере способны обходиться без придаточных предложений индоевропейского типа. С учением об именных формах глагола связаны теснейшим образом такие теоретические вопросы, как вопрос о разграничении словообразования и словоизменения, о делении слов на лексико-грамматические классы (части речи), о разграничении словосочетаний и предложений и др.

Среди исследований по грамматике тюркских языков имеются работы, специально посвященные интересующей нас теме,¹ однако представляется, что проблема еще нуждается в дальнейшем осмыслении. Ниже излагается точка зрения, которая была разработана автором этих строк в процессе изучения материала староанатолийско-тюркских памятников и современного турецкого литературного языка. Будут затронуты наиболее важные, принципиальные вопросы теории именных форм глагола, такие как морфологическая природа этих форм, их грамматическое значение и языковая функция, группы, в которые они объединяются, что собой представляет каждый их разряд, чем в морфологии является та общность, в которую они все входят. Будем при этом исходить из того, что функциональные (синтаксические) особенности именных форм уже достаточно полно описаны на материале разных тюркских языков.

Полезно напомнить, что существует тенденция разграничивать понятия «отглагольные имена» и «глагольные имена». Под первыми понимаются образованные от глаголов слова именных классов (т. е. существительные, прилагательные и т. д.), под вторыми — словоизменительные формы глагола.²

В состав глагольных имен многие исследователи включают только имена действия, причастия и формы на *-duk* и *-(j)ağak*, не включая в это понятие деепричастия. Представляется, что принадлежность деепричастий к глагольным именам достаточно убедительно обоснована Н. А. Баскаковым.³

Важным достижением тюркского языкознания следует считать разграничение понятий — части речи и функциональные категории.⁴ Если первые представляют собой классы, объединяющие лексические, словарные единицы, вторые представляют собой лишь образования, относящиеся к числу словоизменительных форм. Исследовательская практика убеждает, что главными критериями, лежащими в основе деления словарных единиц на классы, т. е. части речи, и функциональных форм на разряды, являются критерии семантические. Морфологические особенности и синтаксическое использование слов или форм оказываются в конечном итоге производными, вторичными по отношению к их значениям. Именно в зависимости от того, обозначают ли слова предметы, признаки, обстоятельства, действия и т. д. (или то, что осознано как таковое), слова делятся на имена существительные, прилагательные, наречия, глаголы и т. д. Классификация функциональных форм также должна основываться на их семантике.

Представляется, что соотносимые слова и функциональные формы имеют разную семантическую структуру. Семантика слова более стабильна. Она воспринимается как его постоянный, сложившийся компонент. В этом смысле каждая часть речи объединяет слова, главным, основным значением которых являются или предметы, или признаки, или обстоятельства, или действия и т. д. Переход слова из одного класса в другой означает смену его специализации, замену одного его постоянного категориального (на лексическом уровне) значения другим. Значения слов — сложившиеся результаты восприятия и интерпретации человеком явлений объективного мира.

Семантика функциональных форм более подвижна, имеет переходящий, окказиональный характер и вместе с тем обладает более сложной структурой. По-видимому, за каждой функциональной формой стоит некая разработанная языковым мышлением, типизированная семантическая операция, которая заключается в том, что одно явление (например, местонахождение предмета) истолковывается как другое, служит средством обозначения другого связанного с ним явления (например, признака предмета). Такое представление местонахождения в пространстве или приуроченности к какому-либо времени в качестве признака предмета наблюдается в турецких и стареоанатолийско-тюркских атрибутив-

ных образованиях на *-ki*: *evimdeki* 'находящийся в моем доме', *bu günkü* 'сегодняшний'. Окказиональная субстантивация форм типа *evimdekiller* 'те, которые находятся в моем доме' отражает еще более сложную семантическую операцию: признак, содержанием которого является положение во времени или пространстве, используется как средство обозначения предмета, обладающего этим признаком. Хотя приведенный пример и выходит за рамки темы настоящей статьи, он наглядно демонстрирует семантическое содержание функциональных форм.

Совершенно оправдана точка зрения, согласно которой именные формы глагола представляют собой глагольные функциональные формы.⁵ Их словоизменительный характер доказывается тем, что они 1) всегда обозначают действие (или представляют иные явления в виде действия), 2) сохраняют глагольное управление, 3) способны выступать в продуктивных залоговых формах, 4) способны образовывать отрицательную форму «глагольным» способом, т. е. с помощью аффикса *-ma*, 5) могут оформлять сложные глагольные образования (например, перифрастические, формы возможности и невозможности).

Если анализировать глагольные функционально-именные формы с изложенной выше семантической позиции, то окажется, что они служат целям окказионального представления, истолкования действия как предмета, признака или обстоятельства. Их классификация сведется к выявлению рядов форм, объединяемых одной и той же семантической структурой.

В исследуемом материале находим ряд форм, за каждой из которых стоит семантическая операция «опредмечивания». Это — имена действия, или глагольные субstantивы. Для старобанатолийско-тюркского характерны имена действия на *-mak* и *-mak-lyk*: *ägär öşbu kini alyvermäkdä dürişmäklik göstärmäzisän* (КД) 'если ты не проявишь усердия, чтобы быстро отомстить вот за это. . .' В современном турецком языке — это формы на *-ma*, *-mak*, *-maklık*, *-(y)iş*.⁶

Оставляя в стороне вопрос о семантических различиях между названными формами, важно подчеркнуть, что передаваемое каждой из них действие лишено какой-либо временной характеристики и мыслится вне связи с его субъектом.* Однако представление действия в качестве предмета имеет следствием то, что субъект действия, если есть потребность указать на него, предстает как предмет, которому принадлежит выражаемое функционально-субstantивной формой «опредмеченное» действие, и передается с помощью средств, служащих для выражения принадлежности: *banja hämişä sänün şol gandüzün görmäkligün* . . . , *ma'lüm idi* (КД) 'мне всегда было известно это твое свойство уважать себя'.

* Не имея возможности рассматривать здесь интересный вопрос о взаимоотношениях залоговых и именных форм глагола, условимся говорить лишь о действии, выражаемом глаголом в основном залоге. Термин «субъект» используется здесь для краткости вместо термина «производитель действия».

Предметное значение функциональных форм должно рассматриваться как причина того, что они способны присоединять аффиксы именных категорий и используются в субстантивных синтаксических функциях (в приведенных примерах имеем функции дополнений и подлежащего). Неспособность же турецкой формы на *-tak* принимать аффиксы родительного падежа, принадлежности и множественного числа свидетельствует, возможно, только о том, что она находится в отношении дополнительного распределения с формой на *-ta*, которая эти аффиксы легко присоединяет, и, следовательно, аффиксы *-tak* и *-ta* являются алломорфами одной морфемы. Подтверждением этого является полная взаимозаменяемость этих форм в формах косвенных падежей.⁷

Таким образом, под именами действия следует понимать глагольные именные формы, представляющие действие, мыслимое без временных характеристик и вне связи с субъектом, в качестве предмета.

Следующий ряд образуют глагольные формы, которые обозначают действие, представляемое или понимаемое как признак какого-либо предмета. При этом действие мыслится как сопряженное со своим субъектом. Определяемое при определениях, выраженных этими формами, обозначает субъект действия. Речь идет, следовательно, о глагольных адъективных или атрибутивных формах, имеющих «агентивное значение».⁸ Именно такие формы и должны, по-видимому, называться причастными. В их число входят формы на *-(j)an*, *-(A)r* и *-myş*, характерные и для современного турецкого языка: *tânrijî görân kişi gözlâr açar* 'у человека, видящего бога, раскрываются глаза'; *bilür kişinün düşmanlygy bilmâz kişinün döstlygyndan jegdür* (М) 'враждебность знающего человека лучше, чем дружба невежественного человека'. В случае субстантивации или субстантивного использования (т. е. окказиональной субстантивации) этих форм они обозначают предмет, совершающий действие: *jaradan* (Ч) 'творец', совр. тур. *jazar* 'писатель'; ср. также: *dıplâjanün gidâ gönli guşşasy* (ЮЗ) 'у слушающего происходит сердечная тоска'.

В отличие от причастий на *-(j)an* и *-(A)r* причастие на *-myş* представляет в качестве признака не столько само действие, сколько его результат или состояние, наступившее в результате этого действия: *âsir olmyş kişi sin* (Р) 'ты — плененный человек'.

На фоне сказанного причастия на *-(j)an* в конструкциях типа *bûlbûl öten yer* ⁹ (совр. тур. яз.) 'место, где поет соловей', в которых определяемое не выражает субъекта действия, выступают как реликтовые, сложившиеся, возможно, до того, как в форме на *-(j)an* развилось агентивное значение.

Из сказанного следует, что причастия — это глагольные именные формы, представляющие действие, сопряженное с субъектом и связанное с каким-либо временным планом, в виде признака предмета.

Третий ряд глагольных функционально-именных форм образуют имена на *-duk*, *-(j)ağak*, *-(j)asy*. Их объединяет то, что они способны представлять действие и как предмет, и как признак предмета. Действие при этом мыслится вне связи с его производителем, но как сопряженное с каким-либо временным планом. Форма на *-duk* указывает, что действие протекает в плане прошедшего или настоящего времени, формы на *-(j)ağak*, *-(j)asy* относят его к будущему времени. Временная актуализация придает действию более конкретный характер.

При субстантивном использовании эти формы отличаются от имен действия тем, что они не просто называют действие, а сообщают о факте его совершения, который имел, имеет или будет, должен иметь место. Это видно из сравнения следующих трех турецких предложений: *müdür gelmenizi söyledi* 'директор сказал, чтобы вы пришли'; *müdür geldiğinizi söyledi* 'директор сказал, что вы пришли (или идете)'; *müdür geleceğinizi söyledi* 'директор сказал, что вы придете'.

При атрибутивном использовании рассматриваемые формы отличаются от причастий отсутствием агентивного значения и каких-либо указаний на субъектно-объектные связи действия. Эта семантическая особенность, т. е. представление действия, взятого вне его субъектно-объектных связей, как признака, имеет своим следствием ту особенность определительных конструкций с этими формами в роли определений, что конструкция сигнализирует лишь о том, что действие есть признак предмета, называемого определяемым, а каковы реальные взаимоотношения между предметом и действием, из самой конструкции заключить нельзя.¹⁰ Так, словосочетание *çukasy yol* (КД) означает 'выход, путь, которым можно выйти'; *sygynağak jer* (КД) — 'место, где можно укрыться'; *gälägäk näsnä* (Ч) — 'то, что должно наступить'.

Отметим, что предмет, выражаемый определяемым в таких конструкциях, коль скоро он может быть в любых отношениях с действием, передаваемым глагольной основой, способен быть также субъектом этого действия, как в последнем из приведенных примеров. Возможно, что именно эта особенность определительных конструкций с рассматриваемыми формами способствовала распространению в тюркском языкознании мнения, что они представляют собой причастия. Однако такое использование — лишь одна из многочисленных функциональных возможностей этих форм, обуславливаемых их семантикой. А последняя ставит их в иной ряд — в ряд форм, которые можно было бы именовать субстантивно-адъективными. Такое название отражает как их семантические свойства, так и их синтаксические особенности.

В староанатолийско-тюркском языке продуктивны все три названные субстантивно-адъективные формы глагола.

Форма на *-duk* использовалась, как и ныне в турецком языке, преимущественно с аффиксами принадлежности, т. е. с аффиксами, дополняющими семантику формы информацией о субъекте дей-

ствия, называя лицо субъекта. Употребление ее без аффиксов принадлежности носит явно реликтовый характер, поскольку она выступает в атрибутивной или, совсем редко, в предикативной функциях и всегда с отрицательной формой глагола: ¹¹ *iş gör-mädük kişiläri . . . ulaltmak* (КД) 'возвеличивать . . . не занимающихся делом людей'; *ol xəbər kim gälmädükdür dillarä* ¹² 'известие, о котором не заговорили'.

В формах категории принадлежности и склонения форма на -duk может выступать в любой субстантивной (в примере 1 она выступает в роли подлежащего, в примере 2 — в роли косвенного дополнения) и атрибутивной (3) функциях:

1) *Dimnaŷu aŷa veribidügüm uz dägüldi* (КД) 'то, что я послал Димну к нему, не было разумно';

2) *su'al äjläjisärlar etdügündän* (Ч) 'спросят о том, что ты сделал';

3) *bän kyldugum işlärän pişmān oldum* (СМД) 'я раскаиваюсь в тех делах, которые я натворил'.

В староанатолийско-тюркском языке очень употребительна форма на -(j)asy, значительно реже встречающаяся в современном турецком языке.¹³ Она указывает на то, что действие может или должно произойти в будущем, используется как в атрибутивной (в примере 1), так и в субстантивных функциях, причем эта форма склоняется как существительное с аффиксом принадлежности 3 л., т. е. с согласным -п- перед падежными аффиксами (пример 2). Как в субстантивных (3), так и в атрибутивных (4) функциях указание на субъект действия осуществляется средствами, выражающими принадлежность:

1) *şimdi zaxm jejäst vaqtdur* (КД) 'наступило время получить рану';

2) *bälä nädän gäläsin anlardy* (М) 'он понимал, откуда придет беда';

3) *anda nä olasymuz bajyk dagül*¹⁴ 'чем мы там станем, не ясно';

4) *vä kalan dejäsüm sözlärä xalvät gäräk* (КД) 'а остальные слова, которые я скажу, требуют уединения'.

Форма на -(j)ağak в староанатолийско-тюркском языке — грамматический синоним формы на -(j)asy. Именно эта форма значительно потеснила с веками форму на -(j)asy, заняв ее место в современном турецком языке и в качестве субстантивно-адъективного глагольного имени, и в качестве основы будущего времени.

В староанатолийско-тюркском языке употребление этой формы характеризуется тем, что в сфере ее атрибутивного использования реализуется одна из хорошо известных по другим тюркским языкам (напр., по узбекскому¹⁵) структурных возможностей тюркских языков — указывать на субъект действия путем присоединения аффикса принадлежности к существительному-определяемому:

varağak jerün (Ч) 'место, куда ты поедешь';

varağak jerümüz (М) 'место, куда мы поедем'.

Четкое временное значение форм на *-(j)asy* и *-(j)ağak* (они обе указывают на то, что действие относится к плану будущего времени) позволяет им, выступая в функции сказуемого, выражать будущее время:

ajruk kuşların pādūšāhy olasy dāgūlsin (КД) 'ты больше не будешь царем птиц';

katumuz anıñ zulmy odyndan göjinäsivüz (КД) 'мы все согрим от огня его жестокости';

bilmäüz ki här bir kişi nä edäğäkdür (М) 'мы не знаем, что сделает каждый в отдельности'.

Такие примеры ярко демонстрируют временную семантику форм. Однако само по себе предикативное использование не может служить классификационным признаком форм, поскольку все они способны выступать в этой функции.

Итак, ряд форм, способных представлять действие, не сопряженное с субъектом, но характеризующееся временем его протекания, как в виде предмета, так и в виде признака предмета, следует отличать как от имен действия, так и от причастий. Эти формы, исходя из их семантико-грамматических свойств, можно было бы называть субстантивно-адъективными.

Четвертый ряд глагольных функционально-именных форм особенно многочислен по своему составу. В него входят обстоятельственные формы глагола, или деепричастия, т. е. такие формы, которые представляют действие, не сопряженное с субъектом, в качестве обстоятельства какого-либо другого действия или события. В староанатолийско-тюркском языке это формы на *-(j)ur*, *-(j)uban*, *-(j)ubany*, *-(j)ubanın*;¹⁶ *-(j)A*; *-madyñ*; *-(j)yğak*, *-(j)yğagaz*; *-(j)ynğā*, *-(j)ynğak*, *-(j)ynğagaz*; *-dukça*; *-(j)aly*, и др.¹⁷

Не имея возможности подробно раскрыть здесь семантику каждой формы, отметим, что деепричастие на *-(j)ur*, *-(j)uban* и т. д. имеет наиболее общее значение, т. е. сигнализирует лишь о том, что действие, передаваемое глаголом в этой форме, есть обстоятельство, не уточняя конкретного отношения этого действия к другому. Остальные формы в разной степени конкретизируют характер действия-обстоятельства: *-madyñ*, например, указывает на отсутствие действия, *-(j)ynğā* представляет действие как конечный или начальный предел другого действия и т. д. Несколько примеров:

kāfirlār daga çykamajup ol dagy kuşadup Nāstorla qarār kyldylar (СМД) 'неверные, не сумев взобраться на гору, окружив ее, вместе с Нестором стали лагерем';

hāmišā bakuban sāni görürsin (Р) 'всегда глядя, видишь себя';
jetišmādin saña va'dā gözün aç (Р) 'раскрой глаза, пока не наступил смертный час';

oturuj ta bān gerü gālinğū (КД) 'сидите, пока я не вернусь'.

По-видимому, именно отсутствие у деепричастий агентивного значения делает возможными абсолютные деепричастные обороты:

Mälik der buny dolup gözläri jaš (СМД) 'Мелик говорит это, в то время как его глаза наполняются слезами'.

Таким образом, на основании того, какая семантическая операция — представление действия в качестве предмета, признака предмета или признака-обстоятельства, а также на основании некоторых других семантических признаков — наличие или отсутствие агентивного значения, указание на время протекания действия — глагольные функционально-именные формы в старобанатолийско-тюркском и в современном турецком языках объединяются в четыре морфологических ряда: 1) субстантивные формы (имена действия); 2) адъективные формы (причастия); 3) субстантивно-адъективные формы; 4) адвербиальные формы (деепричастия).

Каждый из этих рядов, если под морфологической категорией понимать «ряды словоформ, объединенных категориальной функцией»,¹⁸ должен рассматриваться как глагольная морфологическая категория. Но эти категории тесно связаны между собой. Прежде всего тем, что за каждой из них стоит семантическая операция над д е й с т в и е м, т. е. представление действия в качестве предмета, признака или обстоятельства. Эта семантическая общность позволяет их рассматривать как единый блок категорий, как более общую глагольную категорию. Поскольку эта категория включает в свой состав и м е н н ы е формы глагола (по аналогии с тем, что существительные, прилагательные и наречия, т. е. классы слов, обозначающих предметы, признаки и обстоятельства, считаются именными), ее можно было бы именовать глагольной категорией н о м е н а л и з а ц и и (< помен) д е й с т в и я.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: С о к о л о в С. А. О некоторых отглагольных именах в турецком языке. АДД. М., 1953; И в а н о в С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959; Б а с к а к о в А. Н. О классификации причастий в турецком языке. — ВЯ, 1959, № 6, с. 110—114; К у з н е ц о в П. И. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 40—71; Г р у н и н а Э. А. К вопросу о развитии семантики глагольных имен в тюркских языках. — В кн.: Низомий номидаги Тошкент Давлат педагогика институти. Илмий асарлар. 42 том, 1 китоб. Тилшунослик масалалари. Ташкент, 1963, с. 237—253; Н а с и л о в В. М. Глагольные имена в их развитии в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркской филологии. М., 1966, с. 131—140; Д ж а н а ш и а Н. Н. Глагольные имена в турецком языке. — В кн.: Труды Тбилисского государственного университета, 118. Сер. востоковедения, VI. А. Г. Шанидзе, к 80-летию со дня рождения. Тбилиси, 1967, с. 139—151; Л ю б и м о в К. М. Система причастий в современном турецком языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева. М., 1974, с. 133—148.

² См.: Г р у н и н а Э. А. К вопросу о развитии. . . , с. 237.

³ Б а с к а к о в Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Часть I (части речи и словообразование). М., 1952, с. 413—473.

⁴ Там же, с. 149—161.

- ⁵ Ср.: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык, с. 413—473.
- ⁶ См.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 454—470.
- ⁷ См.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 458, § 924.
- ⁸ Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 137.
- ⁹ См.: Ciopiński Jan. Remarques sur les constructions syntaxiques du type *bülbül öten yer* et leur réalisations dans la langue turque. — *Folia orientalia*, t. X, 1969, p. 59—63.
- ¹⁰ Попытку исчисления на материале узбекского языка возможных взаимоотношений между предметом, выраженным определяемым, и действием, передаваемым определением, в функции которого выступает аналогичная глагольная форма, см.: С. Н. Иванов, Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 49—51.
- ¹¹ Ср.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 439, § 877.
- ¹² Brosckelmann C. *Altosmanische Studien I. Die Sprache 'Aşuq-paşa und Ahmedis*. — ZDMG, B. 73, Leipzig, 1919, S. 18.
- ¹³ См.: Михайлов М. С. О форме на -(y)ası в турецком языке. — В кн.: Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 141—154.
- ¹⁴ Brosckelmann, S. 17.
- ¹⁵ Ср.: Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка, с. 51—54.
- ¹⁶ См.: Хаджиолова К. А. Глагольная форма на -p° в турецких литературных памятниках XIII—XVI веков. — СТ, 1972, № 6, с. 83—90.
- ¹⁷ Ср.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 474—487.
- ¹⁸ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 27.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КД — *Kalilä vâ Dimna* («Калила и Димна»). Изд.: Zajączkowski A. *Studja nad językiem staroosmańskim I. Wybrane ustępę z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny*. Kraków, 1934.
- М — *Marzubānnāmā* («Книга Марзбана»). Изд.: Korkmaz Zeynep. *Şadru'd-din Şeyhoğlu. Marzubān-nāme tercümesi. Inceleme-Metin-Sözlük-Tipkiyasım*. Ankara, 1973.
- СВ — тюркские стихи Султана Веледа. Изд.: Mansuroğlu M. *Sultan Veled'in Türkçe manzumeleri*. Istanbul, 1958.
- СМД — *Qyşsa-i Malik Danişmând* («Сказание о Мелике Данышменде»). Список датирован 1622 г. и представляет язык XIII—XIV вв. Хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Шифр: Дорн, № 578.
- Р — *Risâlat al-Nuşhijja* («Книга советов»). Изд.: Cölpinarlı A., Yunus Emre. *Risâlat al-Nushiyya ve Divân. Onsöz-Lûgat-Açıklama*. Istanbul, 1965.
- Ч — *Çarxnamâ* («Поэма о превратностях судьбы»). Изд.: Mansuroğlu M., Ahmed Fakih. *Çarhname. Yayımlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu*. Istanbul, 1956.
- ЮЗ — *Jûsuf û Zulaixa* («Юсуф и Зулейха»). Изд.: Dilçin D., Hamza Şeyyad. *Yusuf ve Zeliha. Nakl eden: Dehri Dilçin*. Istanbul, 1946.